

Мнение

Чем опасна новая методика Минобрнауки

АЛЕКСАНДР
РУБЦОВ,

руководитель
Центра философ-
ских исследований
идеологических
процессов
Института фило-
софии РАН

Акцент на журнальных статьях — специфика естественных наук, но теперь ее механически распространяют на всю социогуманитарную сферу с принципиально иной природой производства и трансляции знания.

Идеология сугубо количественной оценки результативности в системе производства знания давно вызывает резкую критику — в России и за рубежом. В развитых странах прямое использование подобных методов ограничено. У нас, наоборот, собираются обеспечить научно-технологический «прорыв», повторяя худшее в библиометрии — статистике публикаций и цитирования.

ИСТОРИЯ И ЦЕНА ВОПРОСА

До сих пор научное сообщество хотя и критиковало библиометрию, но как-то приспособилось к фантазмагории все новых и новых требований. Однако только что введенная Минобрнауки методика расчета «комплексного балла публикационной результативности» создает условия, к которым приспособиться не просто трудно, а в ряде отношений невозможно. Ведущие институты должны повысить число публикаций на 10%, а «догоняющие» — на 20%. Одновременно из системы учета исключается целая категория журналов, индексируемых в РИНЦ — специально созданном Российском индексе научного цитирования. При таком росте госзадания и при таком сокращении учитываемых журналов разместить требуемое количество публикаций будет невозможно чисто физически. Это выглядит как типовой случай «запрограммированного невыполнения». Если стояла цель срезать и одновременно перераспределить финансирование, то лучше было сделать это прямо, без мутных игр.

Разброс в оценке журналов поражает воображение. Высшая категория в базе Web of Science по баллам оказывается в 40 раз ценнее российского «ваковского» журнала. При этом в мировой практике все наоборот: активно обсуждается необходимость учитывать в экспертных груп-

пах собственное качество статей, а не «влиятельность» журналов. Это необходимо, во-первых, чтобы оценивать результаты, а не показатели, а во-вторых, чтобы создать условия для появления и развития новых журналов. Российские методы администрирования ориентированы на прямо противоположное.

Упор на библиометрическое администрирование крайне опасен. Австралия за шесть лет подобных экспериментов едва не угробила собственную науку: лучшие силы просто разбежались. Можно посчитать, какое количество открытий и даже просто статей в ведущих изданиях недополучил национальный проект «Наука» от классных ученых, уехавших в другие страны, в том числе и от наших методов стимулирования научного творчества вообще и публикационной активности в частности.

СТАТЬЯ ПРОТИВ КНИГИ

Даже в естественных и точных науках максимум, что признается, — возможность использования библиометрических методов в качестве побочного, дополнительного инструмента, но никак не автоматически действующего средства. Но в мире однозначно принято: в науках социогуманитарного цикла эти методы неприменимы вовсе или применимы с очень большими оговорками. Вводимая у нас модель будто не в курсе принятого еще с XIX века принципиального деления знания на науки «о природе» и «о человеке».

Вопиющий пример — отношение к монографиям. Наука веками развивалась в формате книги. Акцент на журнальных статьях — специфика исключительно естественных наук, да и то исторически недавнего времени. Теперь ее механически распространяют на всю социогуманитарную сферу с принципиально иной природой производства и трансляции знания. Здесь именно книги делают открытия и имена, являясь главным каналом обучения, сохранения национального самосознания и исторической памяти. Однако методика министерства отводит книгам 1 балл — как обычной статье, причем независимо от объема. Чиновники объясняют это тем, что не видят инструментов отделения «мусорных» книг от действительно представляющих ценность для науки. Как будто гриф, присваиваемый книге ученым советом академического института после авто-

ритетного рецензирования, значит меньше, чем решение редколлегии обычного «ваковского» журнала.

Далее в дело вступают идеология и политика, большая и малая. Большая политика ориентирована на национализацию наших общественных и гуманитарных наук — подобно национализации капитала. Философы, обществоведы, политологи и социологи, историки и филологи — все они должны развивать отечественную традицию, укрепляя «скрепы» и всей интеллектуальной мощью противодействуя «мягкой силе» идеологического противника. Одновременно авторы методики хотят, чтобы все это делалось на английском языке и в зарубежных журналах, так что критерии оценки социогуманитарной сферы отдаются на откуп двум иностранным компаниям — Web of Science и Scopus. Но все, что нужно русистам и постсоветологам, они и так читают по-русски, не хуже, а то и лучше нас самих. При этом все знают, как делается бизнес на публикациях в рядовых журналах платформы Web of Science. Объем таких навязчивых предложений в почте научных работников уже стал просто неприличным.

Методика изобилует техническими ошибками и выглядит откровенно сырой. Это при том, что ученым не прощаются малейшие огрехи, из-за чего немало публикаций просто не учитываются в отчетах. Вкупе с экзотическими критериями отбора все это резко занижает оценку реальной результативности наших социогуманитарных исследований и искусственно осложняет реализацию научного нацпроекта даже по формальным критериям.

Острота положения уже вызвала возмущение в научных кругах, а ученый совет Института философии РАН обратился с открытым письмом к руководству страны. При этом объявлено, что методика согласована с РАН и даже с академическим профсоюзом.

Упор на библиометрическое администрирование крайне опасен. Австралия за шесть лет подобных экспериментов едва не угробила собственную науку: лучшие силы просто разбежались

дал подробные показания на других офицеров, получил сравнительно мягкое наказание 5,5 года колонии и уже освобожден по УДО. Никандров выступил на процессе экс-сослуживцев в закрытом режиме.

Другим ценным для обвинения свидетелем был приятель Смышковского Нурдин Тугуз (по прозвищу Вася Адыгеец) — по версии следствия, он контактировал с Шакро Молодым, участвовал в сборе средств для сотрудников СКР и видел их передачу. В суде Тугуз не признал существенную часть своих показаний, данных в ходе следствия.

Шакро также участвовал в процессе по видеосвязи из колонии в Краснодарском крае, где он отбывает срок за вымогательство. Он заявил, что никакого отношения к коррупционному делу не имеет, обвиняемых не знает и отказывается свидетельствовать против себя. Поэтому к делу были приобщены сведения, изложенные им ранее на допросе. Согласно им в мае 2016 года Шакро встречался с Кочуйковым в здании управления СК по ЦАО столицы, куда его доставили на следственные действия. Но как именно Калашов, находившийся тогда на свободе, добился встречи с подручным в здании с жестким пропускным режимом, Калашов не рассказал.

Наряду со свидетельскими показаниями вину обвиняемых, по версии следствия, должны доказывать многочисленные записи, сделанные установленной дома и на работе у следователей прослушивающей аппаратурой. ■

Точка зрения авторов, статьи которых публикуются в разделе «Мнения», может не совпадать с мнением редакции.